

0140

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Энн Макалистер

ОДНАЖДЫ ПРИЕДЕТ ПРИНЦ...

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Энн Макалистер
Однажды приедет принц...
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 140

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976295

Однажды приедет принц...: ЗАО «Издательство Центрполиграф»;

Москва; 2011

ISBN 978-5-227-03170-9

Аннотация

Они встретились в Каннах на приеме в честь кинофестиваля. Деметриос – известный актер, переживший пару лет назад семейную трагедию, привез свой новый фильм. А вот кто такая Анни? По началу Деметриос принял эту строго одетую девушку за обычную служашую. И ошибся...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Энн Макалистер

Однажды придет принц...

Глава 1

Однажды ее принц придет. «Но, по всей видимости, это будет не скоро», – подумала Анни, в который раз украдкой посмотрев на часы.

Она чуть подвинула стул, на котором в ожидании провела около часа, села еще прямее и, вытянув шею, окинула взглядом вестибюль гостиницы «Ритц Карлтон» в поисках Джерарда.

Повсюду толпился народ – настоящий сумасшедший дом. Впрочем, во время Каннского кинофестиваля всегда так. К концу первой недели мая прибрежный городок Франции наводняли промышленные магнаты, честолюбивая актерская братия и заядлые киноманы.

Прошло уже три дня с начала фестиваля, и обычно тихое, изысканное местечко возле гостиничного ресторана, где небольшие группки аристократов встречались за коктейлем или аперитивом, превратилось в беспокойное людское море. Вместо привычных вежливых и негромких голосов постояльцев теперь здесь раздавались взрывы раскатистого мужского хохота, был слышен звонкий кокетливый смех жен-

щин.

Повсюду велись оживленные разговоры продюсеров, обсуждавших сделки, кинорежиссеров, нещадно критиковавших фильмы коллег, и журналистов, которые вкупе с фотографами подкарауливали самых именитых кинозвезд. Везде было полно любопытных зевак и поклонников, не говоря уже о фанатках, которые надеялись на встречу с кумиром.

В этой толчее с трудом заметишь принца.

Сколько она ни смотрела, нигде не было видно отличавшегося высоким ростом принца Джерарда Валь де Комэске. Девушке от нетерпения хотелось топнуть ногой. Но она сдержалась и вместо этого безмятежно улыбнулась.

«На публике ты должна излучать спокойствие, невозмутимость и счастье, – так наставлял Анни с колыбели его королевское величество король Леопольд Оливер Нарцисс Бертран Мончемион, или, по-другому, папочка. – Всегда только спокойствие, моя дорогая, – повторял он, – это твой долг».

Несомненно, это ее долг. Принцессы невозмутимы, послушны и конечно же счастливы. Анни всегда считала, что вести себя по-другому было бы неблагодарностью.

Ей исполнилось уже двадцать шесть лет, и по личному опыту она знала, что быть принцессой – это не сплошь одно веселье и забавы. Но, в силу происхождения, принцессам дано так много, что у них просто нет права быть неблагодарными.

Поэтому ее королевское высочество принцесса Адриана

Анастасия Мария Кристина София Мончемиион так спокойна, послушна и решительно счастлива. И благодарна. Всегда.

Ну, почти всегда...

В данный момент она была немного напряжена. Ее наполнял какой-то страх, который всегда подкрадывался, когда она меньше всего этого ожидала.

«Это все нервы, – успокаивала она себя. – Предсвадебные волнения».

Несмотря на то, что до свадьбы оставался целый год и дату еще не назначили. И несмотря на то, что принц Джерард, изысканный, красивый, со вкусом одевающийся мужчина с богатым жизненным опытом, был тем, о ком могла мечтать любая женщина.

Только не в моем случае.

Анни встала, чтобы еще раз внимательно осмотреть забытый до отказа вестибюль гостиницы. Ей пришлось поторопиться, чтобы добраться сюда к пяти часам. Утром позвонил отец и сказал, что Джерард будет ждать ее, потому что хочет о чем-то с ней поговорить.

– Но это же четверг. Я в это время буду в клинике, – возразила она.

Клиника Альфонса де Жака, нечто среднее между больницей и приютом, была частным заведением, предназначенным для лечения детей и подростков с параличом и повреждениями позвоночника. Анни трудилась в ней волонтером по вечерам во вторник и четверг. Она занималась этим с тех

пор, как приехала в Канны работать над докторской диссертацией пять месяцев назад, сразу после Рождества.

Сначала она ходила туда, чтобы просто быть полезной и заниматься чем-нибудь еще, помимо написания работы о наскальной живописи первобытных людей. Так она меньше просиживала дома. К тому же это была общественная деятельность – подходящее занятие для принцессы.

Анни любила детей, и часы, проведенные с теми, чья жизнь жестоко ограничена болезнью, казались ей разумно потраченными. Там она не была принцессой. Дети не имели ни малейшего представления, кто она такая. Анни приходила навестить их не из чувства долга. Общение с детишками было для нее огромной радостью. Они называли ее просто Анни и относились к ней как к другу. Она играла в мячик с Полом и в видеоигры с Маделин и Чарлзом. Смотрела футбол с Филиппом и Габриэлем и шила крошечные одежки для кукол с Мари-Клер. Обсуждала кино и кинозвезд с витающей в облаках Элизой и спорила обо всем на свете со «злюкой Фрэнком», пятнадцатилетним циником, который подначивал ее на каждом шагу. Каждый раз она с нетерпением ждала встречи со своими подопечными.

– В это время я всегда в клинике, по крайней мере до пяти, – заявила она отцу во время утреннего телефонного разговора. – Джерард может встретиться со мной там.

– Джерард не поедет в больницу.

– Это клиника, – возразила Анни.

– Что не меняет дела. Он не поедет, – решительно сказал отец, но в его тоне послышались нотки сочувствия. – Ты ведь знаешь. С тех пор как Офелия...

Офелия была женой Джерарда, которая умерла четыре года назад. Теперь эту прекрасную, очаровательную, изящную женщину должна заменить Анни...

– Да, конечно, – ответила она тихо. – Я забыла.

– Мы должны его понять, – мягко сказал отец. – Ему будет тяжело ехать туда, Адриана.

– Да, папа, я все понимаю.

Она осознавала, что вряд ли заменит Джерарду бывшую жену и он полюбит ее так же, как любил Офелию. Однако она должна попытаться.

– Он встретится с тобой в пять в вестибюле гостиницы. Вы пообедаете и поговорите, – продолжил отец. – Затем Джерард должен уехать в Париж. Утром он вылетает в Монреаль. Деловые встречи. Не заставляй его ждать, дорогая.

Да, ее жених был принцем, но он к тому же владел международной корпорацией, на самом деле – даже несколькими.

– Хорошо.

Она не заставила его ждать. Это ей пришлось ждать Джерарда.

Анни снова украдкой глянула на часы. В голове звучали наставления отца: «Принцессы не проявляют нетерпение».

Может, и так, но уже почти без четверти шесть! Ведь, в конце концов, она могла провести это время в клинике и за-

кончить спор с Фрэнком по поводу телевизионных многосерийных боевиков. А когда ей пришлось уйти раньше, ее обвинили в бегстве.

– Я не убегаю! – заверила его Анни. – Этим вечером я должна встретиться со своим женихом.

– Женихом? – Фрэнк неодобрительно посмотрел на нее из-под копны растрепанных каштановых волос. – Ты собралась замуж? Когда?

– Через год. Может, через два. Я не знаю.

Когда-нибудь в обозримом будущем. Несомненно, Джерарду нужен наследник, и он не готов ждать вечность. Он согласился подождать, пока она закончит свою диссертацию. И если не произойдет ничего ужасного, это случится в следующем году. Осталось так мало времени...

Она прогнала эту мысль. Джерард не был ужасным, злым великаном, выйти за которого ее заставлял отец. Ну да, это папочка все устроил, но Анни не могла сказать ничего плохого о своем женихе. Тот был добрым и заботливым. Просто...

Анни прогнала прочь чувство беспокойства и напомнила себе самой, какое облегчение испытала, когда Джерард понял, как важно для нее закончить диссертацию. Он слова против не сказал.

Но Фрэнк, судя по всему, очень даже возражал. Он нахмурился и, сузив глаза, посмотрел на нее:

– Год? Два? Десятилетие? Чего ты ждешь, черт возьми?!

Она вздрогнула и уставилась на мальчика:

– Что ты хочешь этим сказать?

Он взмахнул рукой, указывая на свои парализованные ноги, и уставился на Анни, потом на свои ноги, потом снова поднял глаза, буравя ее своим взглядом.

– Никогда не знаешь, что может случиться в будущем, не так ли? – требовательно спросил Фрэнк.

Три года назад Фрэнк играл в футбол и подпрыгнул, чтобы отбить мяч головой, другой игрок сделал то же самое. На следующий день у того парнишки немного болела голова. У Фрэнка же парализовало низ туловища. Время от времени он ощущал покалывание в ногах, и только...

– Ты не должна ждать, – решительно заявил он, не сводя с нее глаз.

Это было своего рода заявление, по части которых Фрэнк был настоящий мастер. А еще он был заядлым спорщиком. Ведь они только тем и занимались, что спорили. Не только о героях боевиков. О футбольных командах, непреложности научных законов, самых вкусных десертах. Короче говоря, обо всем.

Одна из медсестер сказала Анни тогда, в январе, когда та только появилась в клинике, что Фрэнк таким образом восстанавливает свои душевные и физические силы.

– Итак, ты советуешь мне убежать? Скрыться? – с улыбкой спросила девушка.

Но обычно горящие задорным огнем глаза Фрэнка теперь

сверкали от злости.

– Я просто не понимаю, чего ты ждешь.

– Год – это не так уж много, – возразила Анни. – Даже два. Мне нужно закончить докторскую. А когда мы назначим дату, появится столько всяких дел! Нужно будет готовиться к свадьбе.

Протокол. Традиция. Она не стала объяснять порядок проведения королевских свадебных церемоний. У обычных свадеб, которые игрались каждый день, тоже было достаточно обычаев.

– Тебе хочется заниматься этой ерундой? – спросил Фрэнк.

– Дело не в этом.

– Конечно же в этом! Иначе ты не стала бы терять время. Ты должна делать то, что ты хочешь.

– Фрэнк, люди не всегда могут делать то, что хотят, – мягко сказала Анни.

– Да что ты говоришь! Будь моя воля, я не сидел бы здесь взаперти, – промолвил он с горечью. Его пальцы теребили постельное белье. Он сжал губы, отвернулся к окну и глухо произнес: – У тебя только одна жизнь.

В его голосе не было прежней злости, он звучал подавленно и невыразительно. Глаза больше не сверкали от гнева. Это был безрадостный взгляд. Ей отчаянно захотелось разозлить его, поспорить с ним, сказать, что он не прав!

Но он был прав...

Он больше никогда не сможет бежать по улице сломя голову на встречу с Джерардом или кем-нибудь другим. Разве могла она с ним спорить?

Поэтому Анни сделала то, что могла сделать в данной ситуации. Она крепко сжала руку Фрэнка. Вот бы Джерард согласился прийти сюда вместе с ней! Встреча с принцем помогла бы этому пареньку хоть ненадолго отвлечься от своих страданий. Но ее отец был прав: Джерард не придет сюда.

– Мне нужно идти, – сказала Анни. – Прости. Губы Фрэнка скривились.

– Иди.

Это была отставка в резкой форме. Он быстро отвернулся с каменным выражением лица. И только ресницы дрожали, выдавая его.

– Я вернусь, – пообещала Анни.

Ей следовало остаться...

Еще один взгляд на часы. Уже без десяти минут шесть, а Джерарда до сих пор нет. Но в этот момент голоса вокруг резко смолкли, как будто все присутствующие одновременно глубоко вздохнули.

Анни подняла глаза. Неужели, в конце концов, появился ее принц? При взгляде на человека, который стоял в дальнем конце вестибюля, ее сердце бешено заколотилось.

Но это был не Джерард.

Отсутствовало даже отдаленное сходство. Джерард был

приятным, утонченным космополитом, он олицетворял собой континентальный шарм, эдакое смешение прогресса двадцать первого века и королевскую дань незыблемым традициям.

Мужчина, появившийся в холле, был его полной противоположностью: жесткий взгляд, на голове копна длинных волос, небритое лицо, одет в потертые джинсы и неопишемую рубашку с открытым воротом. Он мог быть кем угодно: одним из тех молодых парней, что постоянно ошиваются на пляже, плотником или моряком с корабля, зашедшего в порт. Тем не менее это была важная персона.

Его звали Деметриос Савас. Анни знала это. Так же как и остальные.

Уже лет десять он слыл золотым мальчиком Голливуда. Деметриос родился в Америке в семье греческих эмигрантов и начинал свою блестящую актерскую карьеру, используя только привлекательную внешность и великолепную фигуру. В двадцать с небольшим он уже был моделью, рекламируя нижнее белье, подумать только!

Деметриос усердно работал, чтобы улучшить не только свой внешний вид, но также развить талант и преуспеть как актер, снявшись в нескольких успешных сериалах и художественных фильмах, а также попробовав себя в роли режиссера. И это не говоря уже о похожем на сказку, но так трагично оборвавшемся браке с талантливой актрисой и красавицей Лиссой Конрой.

Голливуд и весь остальной мир считали Деметриоса и Лиссу своими любимцами. Это была одна из золотых пар кинематографа: необыкновенно красивые, талантливые люди, в своей любви защищенные, казалось, от всяческих невзгод. И так продолжалось до тех пор, пока два года назад не случилось непоправимое. Снимаясь за границей, Лисса подхватила какую-то инфекцию и через несколько дней умерла. Деметриос примчался к ней с другого конца земного шара, едва успев сказать последнее «прощай».

Анни помнила хронику новостей, которая освещала его одинокое путешествие домой с телом Лиссы, а также фотографии пустынного, открытого всем ветрам кладбища в Северной Дакоте, где он похоронил свою жену. Нагота и безжизненность этого места потрясли Анни. Но она все поняла, когда услышала его объяснения: «Она родилась здесь. Она сама бы этого хотела. Я просто привез ее домой».

Перед ее глазами до сих пор стоит его прекрасное лицо, черты которого в тот день были искажены страданием...

В течение двух лет, которые последовали за смертью и похоронами Лиссы, Деметриос Савас не появлялся на публике. Он исчез из поля зрения. Поначалу бульварная пресса перепечатывала снимки, на которых был запечатлен убитый горем Деметриос. Но вскоре журналисты переключились на других знаменитостей в поисках историй для своих газет и журналов.

Деметриос застал всех врасплох, когда прошлым летом

стало известно, что он написал сценарий, нашел спонсоров, провел кастинг актеров и вместе со съемочной группой побывал в Бразилии, где снял независимое кино – кино, вызывавшее значительный интерес и претендовавшее на «Оскара». С этим фильмом он и приехал теперь в Канны.

Анни никогда раньше не встречала его лично, но, понятное дело, видела множество фотографий Деметриоса. Да что там говорить – на стене ее комнаты в университетском общежитии висел постер с его портретом. Но постер не шел ни в какое сравнение со своим изображением во плоти. На лице Деметриоса уже не было следов всепоглощающего горя. Правда, он не улыбался. Да и зачем? Благодаря своей необыкновенной харизме он безо всяких ухищрений и так пленял взоры всех присутствующих.

Анни сразу же почувствовала исходившую от этого мужчины мощь, отличавшуюся от спокойной и контролируемой силы Джерарда и ее отца.

Перед тем как проследовать дальше, Деметриос остановился на мгновение и оглянулся. Потом продолжил свой путь. Анни, несмотря на наставления отца о том, что принцессам не принято глазеть на людей, не могла оторвать взгляда от его легкой величавой походки...

Деметриос не останавливался, шел вперед, оглядываясь вокруг, как будто искал кого-то. А потом неожиданно его взгляд остановился на ней.

Их взгляды встретились, и Анни просто утонула в этих

зеленых колдовских глазах.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она пришла в себя, вспомнила, чему ее учили при дворе, и смогла оторвать свой взгляд от Деметриоса. Девушка неспешно посмотрела на часы, внимательно изучая их, и дала волю своему нетерпению.

Черт возьми, где же Джерард?!

Она в отчаянии подняла глаза – и увидела прямо перед собой Деметриоса Саваса.

Он был на расстоянии вытянутой руки. Достаточно близко, чтобы заметить крошечные золотые искринки в этих невероятно зеленых глазах и рассмотреть несколько седых волосков в жесткой темной щетине на щеках и подбородке...

Она открыла рот – и не смогла произнести ни звука.

– Прости, – сказал он голосом полным раскаяния. – Я не собирался заставлять тебя ждать.

«Меня?» – хотела спросить Анни с невозмутимой улыбкой принцессы.

Но прежде чем она успела что-либо сказать, он обнял ее, притянул к себе и впился в нее своими теплыми губами. У нее подогнулись колени. Губы открылись. На мгновение она почувствовала, как он коснулся ее языком. Потрясенная, она посмотрела ему в глаза.

– Спасибо, что подождала.

Этот грубый баритон она слышала в кино и по телевизору. Девушка смотрела на Деметриоса с немym изумлением. А

он, не отпуская ее талию, развернул Анни и быстро повел по направлению к магазинам в дальний конец вестибюля. — Давай сбежим отсюда.

Деметриос видел эту девушку впервые, но это его ничуть не заботило. Она явно кого-то ждала — он заметил это сразу, как только вошел. Она выделялась в этой толпе прихорашивающихся павлинов подобно маяку в ночном море. Ее подчеркнуто скромный, но элегантный наряд и аккуратно собранные темные волосы свидетельствовали о практичности, здравости и невозмутимости.

Они свидетельствовали о том, что эта женщина сдержанна и благоразумна. Наверняка одна из служащих гостиницы. Или гид, ждущий свою группу. Или, чего доброго, вожатая отряда скаутов. Она олицетворяла собой другой мир, который не имеет ничего общего с индустрией кино.

Девушка, знает она это или нет, поможет ему убраться отсюда. Она выведет его из гостиницы, прежде чем он выйдет из себя и натворит что-нибудь такое, о чем позже серьезно пожалеет. В юбке синего цвета и повседневном, но явно сшитом на заказ кремовом пиджаке, она похожа на настоящую женщину-профессионала, уравновешенную и спокойную. Как раз то, что ему нужно, чтобы унести отсюда ноги.

Не отпуская Анни, он вел ее прямо в середину толпы. Казалось, они рассекают море. Глаза у всех полезли на лоб. Люди зашушукались. Но он не обращал на них внимания.

Наклонившись к ее уху, Деметриос спросил, знает ли она выход из гостиницы. И тут же ему пришло в голову, что она может не говорить по-английски. Все-таки они во Франции. Но девушка его не разочаровала. Он уловил лишь едва заметный акцент, когда она ответила:

– Да, конечно.

Тогда он тоже улыбнулся. Наверное, это была первая за весь день искренняя улыбка.

– Показывай дорогу, – шепнул он. Со стороны могло показаться, что это он направляет их путь, на самом деле Деметриос всего лишь следовал за девушкой. Когда они проходили сквозь толпу, окружающие еще больше зашептались, и он бросил: – Не обращай внимания!

Она и не обращала, шла рядом с ним и улыбалась. Или его спасительница отлично знает, куда идет, или же она привыкла снимать кавалеров в вестибюлях гостиниц и разделяваться с ними в каком-нибудь укромном месте. Она провела его через вереницу дверей, а затем вниз по длинному коридору. Они миновали парочку офисов, стойку администратора. Девушка распахнула еще одну дверь, и они очутились снаружи, на служебной территории гостиницы.

Деметриос сделал глубокий вдох и отчетливо услышал, как за спиной щелкнул дверной замок.

Он скорчил гримасу:

– Теперь ты не сможешь вернуться назад. Извини. Мне действительно жаль. Но я тебе чертовски благодарен. Ты

спасла мне жизнь.

– Сомневаюсь, – сказала Анни, на ее губах играла улыбка.

– Я имею в виду свою профессиональную жизнь, – уточнил он, устало улыбаясь в ответ. – Просто ужасный день. И он чуть было не стал еще хуже.

Она посмотрела на него с любопытством, но удержалась от комментариев и только произнесла:

– Рада была помочь.

– Действительно? – Его удивил ее радостный тон без тени раздражения. Хотя злиться на него было из-за чего. – Ты ведь кого-то ждала.

– Вот почему ты утащил меня оттуда! – сказала девушка спокойно, и Деметриос удивился еще больше.

– Это называется «симпровизировать». Кстати, меня зовут Деметриос.

– Я знаю.

Ну да, он предполагал, что она в курсе. За последние сорок восемь часов Деметриос вдруг выяснил, что его никто не забыл за прошедшие два года.

В его деле это было хорошим знаком. Прокатчики, с которыми он хотел поговорить, не закрывали перед ним свои двери. Но папарацци! Их только и не хватало! Они набросились на него, как только увидели. Да еще эти фанатки...

– А чего ты ждал? – язвительно ухмыльнулся его брат Тео, который без предупреждения появился сегодня утром в гостиничный номер Деметриоса по дороге из Испании в Сан-

торини. – Каждая не прочь стать твоей утешительницей.

Деметриос подозревал, что его поездка в Канны превратится в настоящий сумасшедший дом, но он дал себе слово, что справится. И он справится, если только все женщины, встреченные им, будут похожи на эту девушку.

– Деметриос Савас собственной персоной, – задумчиво сказала незнакомка. Улыбка тронула кончики ее губ. Она изучающе смотрела на него удивительными синими глазами. В ее взгляде читались сочувствие и умеренное любопытство и, слава богу, ничего больше!

– По крайней мере, у тебя не кружится голова от волнения, – сухо сказал он, самокритично усмехнувшись при этом.

– Может, и кружится? – Она улыбнулась шире, и на ее левой щеке появилась ямочка. – Может, я просто скрываю это?

– Продолжай в том же духе. Пожалуйста.

Она рассмеялась. Деметриосу понравился этот сердечный искренний смех, который каким-то образом делал девушку еще более симпатичной. А она была очень хорошенькой, пышущей здоровьем, энергичной и доброжелательной, с безупречной кожей. И никакой театральщины и показухи.

– Ты – модель? – спросил девушку Деметриос, внезапно подумав, что она могла работать в модельном бизнесе. Почему нет? Возможно, она ждала своего агента. Вполне логично. Некоторые из моделей ухитрялись выглядеть очень све-

жо и находились в отличной физической форме.

Лисса была такой...

– Модель? О нет, что ты! А что, похожа? – Она рассмеялась, как будто ей и в голову не могло прийти такое сравнение.

– Возможно, – ответил он.

– В самом деле? – Она пожала плечами. – Что ж, спасибо. Подумать только!

– Я просто хотел сказать, что ты красивая. Тогда, может, ты работаешь в этой гостинице?

– Красивая? – Казалось, на ее лице снова мелькнуло удивление. Но она не стала развивать эту тему. – Нет, я не работаю здесь. По-твоему, я выгляжу как сотрудница отеля?

Улыбка, игравшая в уголках ее губ, заставила и Дементриоса в свою очередь широко улыбнуться.

– Ты кажешься... гостеприимной. – Теперь его взгляд задержался на ней дольше, остановился на аккуратно уложенных темно-каштановых волосах и белой, как молоко, коже, с нанесенным на нее макияжем по принципу «лучше меньше, да лучше». Потом он скользнул по изгибам тела, по гладким стройным загорелым ногам и пальчикам, выглядывавшим из босоножек. – Привлекательной... Доступной.

– Доступной?

– Ну я же подступился, – заметил он.

– Ты заставляешь меня подумать, что я похожа на женщину легкого поведения, – спокойно ответила она без тени

обида в голосе.

Но Деметриос отрицательно покачал головой:

– Конечно нет. Слишком мало макияжа. И одежда неподходящая.

– Ну спасибо, утешил...

Они опять улыбнулись друг другу, и вдруг Деметриос почувствовал, будто просыпается от кошмарного сна. Он так долго находился в нем, измотанный и пытающийся вырваться назад, что ему казалось, будто жить в этом аду ему придется до конца своих дней. Но прямо сейчас, в эту самую минуту, он понял, что снова полон жизни. За последние пять минут он улыбнулся по-настоящему, искренне.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Анни.

Анни. Обычное имя. Только имя. Фамилию не назвала. Обычно женщины были настолько увлечены им, что выкладывали не только свое полное имя, но и историю жизни и, что самое важное, номер своего телефона.

– Просто Анни? – весело переспросил он.

– Чемион. – Казалось, она произнесла это с большой неохотой.

– Анни Чемион. – Ему понравилось, как звучит ее имя. Простое, но немного необычное. – Ты француженка?

– Моя мать была француженкой.

– Твой английский просто великолепен.

– Я училась сначала в Оксфорде, а затем в Калифорнии,

в Беркли, в аспирантуре. Сейчас пишу диссертацию.

– Значит, ты... м-м-м... научный работник?

Эта девушка отличалась от тех ученых, которых он встречал раньше. Ни одного карандаша, засунутого за ухо или в волосы. Ни одного признака ненормальности, оторванности от реальной жизни. Он знал, какими целеустремленными были эти люди. Его брат Джордж – ученый-физик.

– Ты, случайно, не физикой занимаешься? – осторожно спросил Деметриос.

Девушка засмеялась:

– Боюсь, что нет. Я – археолог.

– «В поисках утраченного ковчега»?¹ Мы с братьями смотрели это кино тысячу раз.

Анни кивнула, ее глаза искрились от смеха. Затем она пожала плечами и сказала с иронией:

– Реальность намного прозаичнее.

– Никаких нацистов и вооруженных столкновений?

– Не так много змей. И ни одного удалого молодца типа Харрисона Форда! Тема моей диссертации, «Наскальная живопись», тоже не особо захватывающая. Но мне нравится. Я провела исследование, и сейчас осталось только упорядочить всю информацию и записать.

– Описывать полученный материал не всегда легко. – По-

---

¹ «В поисках утраченного ковчега» – фильм Стивена Спилберга и Джорджа Лукаса, в котором известный археолог и специалист по оккультным наукам доктор Джонс получает опасное задание от правительства США отправиться на поиски священного ковчега. (Здесь и далее примеч. пер.)

жалуй, за последние несколько лет эта часть работы была самой тяжелой, главным образом потому, что нужно было оставаться наедине со своими мыслями...

– Ты тоже работаешь над диссертацией? – удивилась Анни.

– Я пишу сценарий, – ответил Деметриос. – Один уже написал. Теперь приступаю к следующему. Это – тяжелый труд.

– Творческая работа изнурительна. Я бы не смогла заниматься чем-нибудь подобным, – сказала она восхищенно.

– А я бы не смог написать диссертацию. – Ему следовало просто поблагодарить Анни и попрощаться. Но она нравилась ему – нормальная, здравомыслящая и остроумная. Не какая-нибудь старлетка. Полная противоположность. Так здорово общаться с человеком, далеким от мира кино, от всей этой шумихи и показного блеска! – Поужинай со мной, – неожиданно предложил Деметриос.

Глаза девушки расширились от удивления.

«Любая женщина здесь, в Каннах, – мрачно подумал Деметриос, – уже бы раз десять согласилась».

Но не Анни Чемион. Она лишь вежливо покачала головой:

– С огромным удовольствием, но боюсь, что... в гостинице я на самом деле ждала кое-кого.

Само собой разумеется...

– А я попросту утащил тебя оттуда. Извини, я просто подумал, было бы здорово найти какую-нибудь забегаловку

и спрятаться от всех на какое-то время. Мило поужинать. Немного поболтать. Я и забыл, что похитил тебя.

Она рассмеялась:

– Все в порядке. Он опоздал.

Он. Конечно же она ждала мужчину. Впрочем, не все ли равно?

– Хорошо, – быстро сказал он. – Спасибо за спасение, Анни Чемион. Не думаю, что из-за тебя обидел Мону Тримэйн.

– Актрису Мону Тримэйн? – пораженно спросила девушка. – Ты убегаешь от нее?

– Не от нее. От ее дочери. Рианнон. Она несколько... настойчива.

Рианнон ходила вокруг него со вчерашнего утра и говорила, что поможет ему забыть все горести...

– Понятно.

– Она – милая девушка, – попытался реабилитироваться Деметриос. – Но немножко впечатлительная. Инфантильная. И слишком решительная. Но я, увы, не могу сказать ей, чтобы она перестала надоедать мне. Хотелось бы еще раз поработать с ее матерью...

– Тогда это был по-настоящему дипломатический маневр.

Он кивнул:

– Прости, если я нарушил твои планы.

– Не волнуйся об этом. – Она протянула руку на прощание. Ее пальчики были нежные, гладкие и теплые. Он провел по ним большим пальцем.

– Сначала я поцеловал тебя, – напомнил он ей.

– Да, но мы еще не были знакомы тогда.

– Тем не менее, – неожиданно для себя Деметриос понял, что хочет поцеловать ее еще раз.

Но прежде чем он сделал хоть одно движение, она вздрогнула и полезла в карман пиджака.

– Телефон, – сказала она извиняющимся тоном, достала телефон и посмотрела, кто ей звонил. – Мне бы не хотелось отвечать. Это неприлично. Прости.

Это... – Она махнула рукой по направлению к гостинице, откуда они вышли. – Мне нужно вернуться.

Понятное дело, звонил мужчина, которого она ждала. Деметриос скривился:

– Конечно. Все в порядке. Было....

Он остановился, подбирая подходящие слова. Что же это было? Удовольствие? Да, именно удовольствие. *Настоящее*. Впервые за последние три года на несколько мгновений он почувствовал твердую почву под ногами. Он сжал ее руку, наклонился к ней и крепко поцеловал.

– Спасибо тебе, Анни Чемион.

Она посмотрела на него в замешательстве.

Деметриос улыбнулся. А потом еще раз поцеловал ее. Наслаждаясь каждой секундой, он думал, что не совсем растерял способность чувствовать.

Телефон звонил долго и настойчиво, прежде чем Анни пришла в себя и ответила на звонок, сказав что-то по-фран-

цузски.

Деметриос не стал ждать. Он быстро отсалютовал ей, достал из кармана темные очки, напялил их на нос, развернулся и зашагал прочь вниз по улице. Он прошел меньше квартала, когда услышал за спиной быстро приближающиеся шаги. Кто-то бежал за ним.

О, черт! Неужели нигде нельзя скрыться от этой Рианнон Тримэйн?

Он очень хотел заполучить Мону для своего нового фильма. А чтобы это произошло, ему никак не избежать общения с ее легковозбудимой, крайне избалованной, требующей слишком много внимания дочерью. Он повернулся было, чтобы вежливо отказать ей.

– Кажется, я сегодня вечером свободна. – Это была Анни. Она зашагала рядом с ним, улыбаясь, отчего на ее щеке опять появилась ямочка. – Поэтому хочу узнать, приглашение поужинать все еще в силе?

Глава 2

Принцессы не напрашиваются на ужин!

Они не говорят сначала «нет», а уже в следующую минуту бегут за мужчиной, чтобы сказать «да». Но она только что получила отсрочку, не так ли? Это был звонок от Джерарда, который сейчас направлялся в Париж, чтобы хорошенько выспаться перед полетом в Монреаль.

– Я повидаюсь с тобой по дороге обратно, – сказал он. – На следующей неделе. Нам нужно поговорить.

Анни никогда не понимала, что еще можно делать по телефону, как не говорить, но вежливо ответила:

– Да, конечно. С нетерпением жду встречи с тобой.

Она повесила трубку чуть ли не до того, как Джерард попрощался с ней, потому что, если бы она сию же минуту не бросилась бежать, Деметриос скрылся бы за углом и она потеряла бы его из виду. Никогда в жизни Анни еще не бегала за мужчиной. Но как часто Деметриос Савас приглашает ее на ужин как раз в тот момент, когда принц, назначивший ей встречу, не приходит?

Разве это не подарок небес?

Ведь это просто ужин, в конце концов! Прием пищи. Но с самым Деметриосом Савасом! Исполнение мечты ее юности. Сколько женщин получили такое приглашение от мужчины, чей постер висел у них на стенке, когда им было во-

семнадцать?

Анни догнала его, и, когда он повернулся к ней, она увидела его сжатые челюсти и тяжелый взгляд. Именно из-за этого свирепого взгляда его имя стало нарицательным, когда семь или восемь лет назад он играл на американском телевидении роль крутого задиристого тайного агента Люка Сент-Энджи.

Анни остановилась как вкопанная.

При виде девушки выражение его лица смягчилось. И внезапно он одарил ее той самой улыбкой, из-за которой тысячи – нет, миллионы! – женщин теряли голову.

– Анни... – И ее сердце бешено заколотилось. – Передумала? – с надеждой в голосе спросил он.

– Если ты не против.

– Против? – Неповторимая улыбка Деметриоса стала еще шире. – Будь смелее. – Он усмехнулся и посмотрел на оживленную улицу.

Его улыбка угасла, когда он заметил, что многие начали обращать на них внимание. Одна из стайки девчонок-подростков указала на них пальцем. Другая пронзительно завизжала, и тут же всей гурьбой они бросились перебегать улицу в их направлении.

На одно мгновение Деметриос стал похож на лиса, которого с лаем окружали гончие. Но только на мгновение. Затем он спросил:

– Подождешь меня? Я очень сожалею, но...

– Все в порядке, – быстро ответила Анни. Чувство досто-

инства было привито Анни с самого детства.

В случае с Деметриосом все было конечно же по-другому. Он стал известным в двадцать с небольшим лет, и, насколько она знала, его никто не учил, как справляться с подобными вещами. Тем не менее у него все получалось очень хорошо. Даже во время трагических событий, связанных со смертью его жены, он умудрялся сохранять спокойствие и выдержку. После всего этого он конечно же имел полное право исчезнуть и скрыться от посторонних глаз.

Хотя он явно не искал этой встречи с фанатками, все же радушно поприветствовал их, с улыбкой глядя, как они ринулись к нему навстречу. Девушки толпились вокруг него, о чем-то звонко щебетали. Он тоже хохотал и разговаривал с ними на их родном итальянском.

Его итальянский был не очень хорош. Но он старался, не останавливался и этим просто очаровал девушек. Наблюдая за ними и слушая их разговор, Анни и сама была немало очарована.

Конечно же в юности он был просто великолепен. Но ей показалось, что сейчас он выглядел еще привлекательнее. Красивое лицо возмужало: резче выделялись скулы, подбородок стал тяжелее и крепче. Жесткая щетина придала больше зрелости тому плутоватому выражению лица, над которым он только начинал работать, снимаясь в роли героя боевика Люка Сент-Энджи. Усердно занимаясь в университете, Анни редко включала телевизор. Но она не пропустила ни

одного фильма с его участием.

Деметриос Савас был ее слабостью...

«А сегодня я ужинаю с Деметриосом Савасом», – подумала Анни и чуть не рассмеялась.

Интересно, какотреагировал бы Джерард, расскажи она ему об этом? Округлил бы глаза от удивления и вежливо переспросил: «Кто это?» А может, он знает Деметриоса? Но, безусловно, он вряд ли придет в восторг оттого, что его будущая супруга собирается поужинать с этим мужчиной.

Толпа вокруг Деметриоса не рассеивалась, а становилась все больше. Бросив взгляд на Анни, Деметриос поднял брови, как будто хотел спросить: «Что мне делать?»

Анни пожала плечами и улыбнулась. Он опять нашел ее взглядом и одними губами сказал: «Такси?»

Девушка кивнула и начала просматривать улицу. Она уже было решила, что нужно вернуться назад в гостиницу, чтобы вызвать такси оттуда, когда из-за угла показалась машина. Она бросилась к ней:

– Деметриос!

Он посмотрел в ее сторону, увидел такси, извинился перед своими поклонницами, улыбнулся на прощание и скользнул за Анни в автомобиль.

– Прости, – сказал он. – Но иногда это превращается в какое-то безумие.

– Я заметила.

– Это – неотъемлемая часть работы, – пояснил он. – И

обычно они не помышляют ничего дурного. Им интересно. Я ценю такое отношение. К тому же они платят мне зарплату. Я – их должник. – Он устало откинулся на спинку сиденья. – Когда это касается моей работы, все нормально. Хотя бывает и по-другому...

Водитель, терпеливо ожидавший, когда на него обратят внимание, поймал ее взгляд в зеркале заднего вида и спросил, куда их отвезти. Деметриос повернулся к Анни и спросил:

– Куда мы отправимся? Желательно, чтобы там было спокойно.

– Ты голоден?

– Не очень. Просто нет желания иметь дело с папарацци. Есть какое-нибудь тихое местечко на примете?

– Да. В Соке,² в старом квартале, есть такое местечко, вдали от туристических маршрутов. – Она изучающе посмотрела на него, что-то обдумывая. – Тебе не хочется ни с кем общаться?

– Я хочу пообщаться с тобой.

– Лстец! Я вот думаю, если ты еще не очень проголодался, может быть, ты не откажешься встретиться с несколькими детьми? Это не папарацци и не журналисты, обычные дети, которые очень хотели бы познакомиться с тобой.

– У тебя есть дети? – изумленно спросил он.

– Нет. Я работаю волонтером в клинике для детей и под-

---

² Соке – название старой части города (Le Soquet).

ростков с повреждениями позвоночника. Я была там сегодня. И обсуждала... ну, на самом деле спорила с одним из парней... он подросток... мы спорили по поводу киногероев.

– Вы спорили по поводу киногероев?!

– Фрэнк может спорить о чем угодно. Ему это нравится.

И у него на все есть свое мнение.

– Как и у тебя? – поддразнил ее он.

Анни в ответ улыбнулась:

– Думаю, да. Но я стараюсь не критиковать других. За исключением Фрэнка, – добавила она. – Он любит со мной поспорить. На все, что бы я ни сказала, у него свой, противоположный взгляд.

– Должно быть, у него есть братья? – с оттенком иронии спросил Деметриос.

– У него нет ни братьев, ни сестер.

– Плохо.

– Согласна.

На протяжении двадцати лет Анни была единственным ребенком в семье. После ее рождения мама больше не смогла иметь детей. Она умерла, когда Анни была еще девочкой. И только когда несколько лет назад отец женился на Шарлиз, Анни осмелилась мечтать о братьях и сестрах.

Сейчас у нее три маленьких братика – Александр, Рауль и Давид. И несмотря на то, что Анни по возрасту годится им в матери, она очень радуется тому, что у нее есть братья.

– Фрэнк компенсирует их отсутствие, споря со мной. И я

только что подумала, как здорово будет, если я приведу тебя в клинику! Ты наверняка знаешь намного больше о кинегероях, чем я, и у тебя будет о чем с ним поговорить. А потом мы смогли бы поужинать.

Анни даже не удивилась, когда Деметриос с улыбкой сказал:

– Почему бы и нет? Поехали!

Невозможно было описать выражение лица Фрэнка, когда они вошли в его палату, до того оно было забавное. От удивления он не смог проронить ни звука.

– Я хочу познакомить тебя со своим другом, – обратилась Анни к Деметриосу. – Это Фрэнк Вильерс. Фрэнк, это...

– Я знаю, кто он такой, – ответил Фрэнк, все еще не веря своим глазам.

Деметриос протянул ему руку.

– Рад познакомиться, – сказал он на французском языке.

Мгновение Фрэнк колебался, но все же пожал руку гостю.

Потом осуждающе посмотрел на Анни:

– Ты собралась замуж за *него*?

– Нет. – Ее щеки пылали.

– Ты же сказала, что уходишь раньше, потому что должна встретиться со своим женихом!

– Он задержался, – быстро сказала Анни. – Не смог прийти.

Она бросила взгляд на Деметриоса. Он в свою очередь во-

просительно посмотрел на нее, но, повернувшись к Фрэнку, просто пояснил:

– Поэтому я пригласил ее на ужин.

Фрэнк уселся поудобней и снова обратился к Анни:

– Ты никогда не говорила, что знакома с Люком Сент-Энджи. Я хотел сказать – с *ним*, – поправился он, его щеки покраснели, как будто он засмутился, что спутал человека и роль, которую тот играл.

Деметриос, казалось, не обратил на это никакого внимания.

– Мы только познакомились, – сказал он. – Анни рассказала о вашем споре. Поверить не могу, что ты считаешь Макгайвера³ умнее Люка Сент-Энджи.

Анни чуть было не рассмеялась, когда Фрэнк метнул на нее взгляд:

– Разве мог Люк сделать бомбу из тостера, нескольких зубочисток и зажигалки?

– Конечно мог, черт побери! – парировал Деметриос. – Я вижу, нам действительно есть о чем поговорить.

Следующее, что увидела Анни, был Деметриос, сидевший на краешке кровати Фрэнка и споривший с ним.

Они спорили по-настоящему. Сначала об изготовлении бомб, затем о сценариях, актерах и основных сюжетных линиях. Деметриос сосредоточился на разговоре с Фрэнком

---

³ Макгайвер Ангус – секретный агент, герой популярного американского телесериала.

точно так же, как он сделал это при встрече со своими поклонницами.

Анни поначалу думала, что они проведут в палате Фрэнка самое большее полчаса. Но прошел час, а они все еще что-то обсуждали. Они могли бы спорить до утра, если бы Анни в конце концов не сказала:

– Очень не хочется прерывать вас, но, прежде чем уйти, нам нужно повидаться еще кое с кем.

Деметриос поднялся и сказал:

– Ладно. Мы можем продолжить наш разговор завтра. Мальчишка изумленно посмотрел на него:

– Завтра? Ты это серьезно?

– Конечно серьезно, – заверил его Деметриос. – За последние годы никого так не волновала судьба Люка.

Глаза Фрэнка сияли. Он посмотрел на Анни, когда они выходили из палаты, и сказал то, что, как она думала, никогда не услышит от него:

– Спасибо.

Когда они вышли в коридор, она тоже поблагодарила Деметриоса:

– Это был настоящий праздник для него. Но ты не должен чувствовать себя обязанным приходить сюда. Я смогу объяснить, если ты не придешь.

Он покачал головой:

– Я приду. А теперь давай познакомимся с остальными.

Было около десяти часов вечера, когда они вышли на мощеную улицу квартала Соке. Анни виновато сказала:

– Я не думала, что отниму у тебя столько времени.

– Если бы я не хотел быть здесь, я бы нашел способ уйти.

Он взял ее за руки и повернул к себе так, чтобы она встретилась с ним взглядом. Солнце давно село, и она не могла видеть цвет его колдовских глаз.

– Поверь мне, Анни. Она облизнула пересохшие губы:

– Да, конечно, спасибо тебе.

– Не стоит благодарить. А теперь как насчет ужина?

– Ты уверен? Уже поздно.

– Еще не полночь. На тот случай, если твой наряд вдруг превратится в лохмотья, – весело сказал он.

Она – Золушка? Как необычно! Но этим вечером она чувствовала себя почти как эта сказочная героиня. Или наоборот – она была принцессой, которая выдает себя за обычную девушку.

– Не превратится. По крайней мере, пока такого не случилось, – с улыбкой ответила она.

– Рад это слышать. – Затем его голос стал мягче. – Ты передумала, Анни? Боишься, что твой жених узнает?

– Его не волнуют такие вещи, – сказала она легко. – Он не такой человек.

– Тебя это устраивает?

Устраивало ли ее это? Анни знала, что не хочет жить с ревнивцем. Но ей хотелось выйти замуж за человека, кото-

рому она будет небезразлична, который будет любить ее, заботиться о ней. Джерард по-своему хорошо к ней относился.

– Он прекрасный человек, – наконец сказала она.

– Я уверен в этом, – серьезно ответил Деметриос. – Поэтому обещаю вести себя примерно с его невестой. Ты поужинаешь со мной?

– Да, – решительно сказала она. – С удовольствием.

Ему хотелось держать ее за руку. Но он ведь не влюбленный мальчишка, а взрослый мужчина. Рассудительный, здравомыслящий. Но весьма осторожный в том, что касается женщин.

Деметриос решительно спрятал руки в карманы и пошел рядом с Анни по темным сонным улочкам старого квартала. Она была помолвлена, и поэтому, ясное дело, ее, так же как и его, интересовал только ужин, ничего больше. Все же он чувствовал беспокойство. За последние два года у него ни разу не возникало желания держать кого-либо за руку. Но стоило ему поцеловать Анни Чемион, как в нем проснулись чувства, которые, как ему казалось, давно умерли.

Это потрясло его.

Сколько Деметриос себя помнил, он был без ума от женщин. Так же как и они от него.

– Девушки как кегли в боулинге, – ворчал его брат Джордж, когда они были подростками, – только он улыбнется им, как они валятся к его ногам.

– Завидуй, – хохотал Деметриос.

Это чувство стало еще сильнее после того, как, закончив колледж, где изучал киноискусство, он принял предложение поработать моделью. Работа моделью помогла. Его начали узнавать. Как сказал один режиссер: «Им плевать, что ты рекламируешь. Они покупают тебя».

Режиссеры поверили ему.

– У него необыкновенная харизма, – в один голос вторили ассистенты режиссеров. И вскоре Деметриос не просто снимался в рекламе и играл небольшие роли, он стал звездой собственного телесериала.

Три года съемок в роли Люка Сент-Энджи принесли ему славу, богатство, возможности, кипы сценариев, которыми его забрасывали, плюс успех у всех женщин, которых он только мог захотеть, включая прекрасную и талантливую актрису Лиссу Конрой. Она была последней, кого он желал. О ком заботился и хотел заботиться до самой смерти.

То, что Деметриос чувствовал сейчас, не имело ничего общего с заботой. Это было простое вожделение, реакция на красивую женщину.

Он взглянул на ту, которая разбудила в нем желание. Она разговаривала с официантом маленького ресторанчика, куда они только что вошли. Место соответствовало тому, что Анни обещала. Невзрачная кафешка. Несколько столиков находились внутри, и еще четыре, занятые посетителями, стояли на улице у входа.

Она закончила разговор с официантом и подошла к Деметриосу.

– Здесь меня знают. Еда приличная. Мусака⁴ – просто пальчики оближешь! И туристы сюда не заглядывают. Но свободен столик лишь возле кухни. Не самое лучшее место. Так что если ты предпочтешь что-нибудь другое...

– Все в порядке.

Место на самом деле было не очень хорошее, как раз напротив двери в кухню, но здесь никто не будет обращать на них внимание. Никому и в голову не придет, что за этим столиком, в худшем месте, куда никто и не посмотрит, сидит кинозвезда. Повар и официант были слишком заняты, чтобы обратить внимание на тех, кого они кормят. Хотя они с ног сбились, обслуживая Анни. Мгновенно появились меню. За ними последовала винная карта.

– Ты часто тут бываешь?

– Прихожу сюда, когда не готовлю сама. Здесь очень вкусно кормят.

Не глядя в меню, она заказала буйабес:⁵

– Его всегда превосходно готовят.

Это звучало соблазнительно. Но еще более соблазнительной была мусака, о которой она упоминала раньше. Никто лучше его матери не готовил это блюдо. Но уже три года, как Деметриос не был дома. Он почти не общался с родителями

---

⁴ Мусака – рубленая баранина по-гречески.

⁵ Буйабес – знаменитая марсельская уха.

после похорон Лиссы. Весь прошлый год он держал их на расстоянии. Он знал, родные его не понимают. А он не мог объяснить. Не мог заставить их понять, что значила для него Лисса. А после всего случившегося не мог даже видиться с ними. Пока не мог. Было проще держаться подальше, пока он сам не решит вернуться.

И сейчас он вернулся. Написал новый сценарий. Снял новый фильм. Привез его в Канны, на самый многолюдный и престижный кинофестиваль. И теперь появлялся на публике, давая интервью, очаровывая поклонников и поклонниц и улыбаясь, чего бы ему это ни стоило.

Возможно, после фестиваля он поедет в Санторини навестить Тео и Марту с их детишками, а потом полетит обратно в Штаты повидаться с родителями...

Он заказал мусаку. А когда поднял глаза на Анни, увидел, что она улыбается.

– Что? – спросил Деметриос.

– Да так, ничего. Просто поражена. Удивительно, что я сейчас здесь. С тобой.

– Судьба, – сказал он, пробуя вино, которое принес официант, и одобрительно кивая.

– Ты в это веришь?

– Нет. Но я как-никак сценарист. Люблю переломные моменты. – Неправда. Видит бог, некоторые из таких моментов его жизни были настоящей катастрофой.

Но на Анни его замечание, кажется, произвело впечатле-

ние.

Официант налил ей вина.

Деметриосу захотелось еще раз увидеть ее улыбку.

– Итак, ты пишешь диссертацию, работаешь волонтером в клинике. У тебя есть жених. Ты училась в Оксфорде. И в Беркли. Анни Чемион, расскажи мне еще что-нибудь о себе.

Лисса привыкла находиться в центре внимания, где бы она ни была. Но Анни лишь развела руками. А потом и вовсе потрясла его:

– Когда мне было восемнадцать, у меня на стене висел постер с твоим изображением.

Деметриос застонал и прикрыл рукой глаза. Он знал, о чем она говорит. Это был высокопрофессиональный, сделанный с большим вкусом снимок его обнаженного тела. Он пошел на это по просьбе своей подруги, которая занималась фотографией и хотела сделать себе имя.

Что ж, у нее все получилось.

Так же, как и у него. Его братья и все без исключения друзья, видевшие это фото, годами подшучивали над ним. Да и до сих пор делают это. К счастью, у его родителей все в порядке с чувством юмора...

– Я был молод и глуп, – заметил он, печально кивая.

– Но потрясающе красивый! – ответила Анни с такой обезоруживающей искренностью, что Деметриос заморгал.

– Спасибо, – криво усмехнулся он. Но, как это ни странно, ее восхищение доставило ему удовольствие. Конечно же он

слышал подобные отзывы, и не раз, но осознание того, что им была увлечена такая хладнокровная и сдержанная женщина, как Анни, разбудило в нем желание.

Он подвинул свой стул:

– Расскажи мне еще что-нибудь. Как ты познакомилась со своим женихом?

Официант принес салаты. Деметриос взял вилку.

– Я знала его всю свою жизнь, – сказала Анни.

– Жили по соседству?

– Что-то вроде того...

– Помогает, когда знаешь кого-то достаточно хорошо. – Господь свидетель, ему помогло бы, если бы он понял, что же делает Лиссу такой особенной в его глазах. Он бежал бы без оглядки в другую сторону. Но как он мог догадаться, когда она так талантливо играла роль? – По крайней мере, ты его знаешь.

– Да. – На этот раз улыбка тронула только ее губы.

Она сосредоточенно ела салат, не добавляя ничего к сказанному.

Деметриосу пришлось сменить тему:

– Расскажи о наскальной живописи. Много пришлось поработать, чтобы собрать материал?

Анни оживилась. Обстоятельно рассказала о своих научных изысканиях, и ее глаза вновь загорелись. Та же история повторилась, когда он спросил ее о клинике и детях... А когда она спросила его о фильме, который он привез в Канны,

разделила его собственный энтузиазм.

Она умела слушать. И задавала правильные вопросы. Она знала и о чем не надо спрашивать. Она не спросила ничего о времени, которое он провел отшельником вдали от людских глаз. Ничего о его браке. Ничего о смерти Лиссы.

Только когда он сам заговорил о том, что не был в Каннах несколько лет, просто сказала:

– Мне было очень жаль, когда я слышала о твоей жене...

– Спасибо.

Они поели салат, затем принялись за первые блюда. Мусака была просто отменной и напомнила ему о его матери. Затем Деметриос предложил съесть по кусочку яблочного пирога и выпить кофе.

– Я буду совсем маленький кусочек, – согласилась Анни. – Обычно, когда я захожу сюда, я съедаю намного больше.

Деметриосу нравилось, что еда доставляет ей удовольствие. И что у нее нет той болезненной худобы, которая была у Лиссы и к которой стремились очень многие актрисы. Анни не ковырялась в тарелке, как они. Она выглядела здоровой и привлекательной.

Официант принес яблочный пирог и две вилки. Деметриос пододвинул тарелку к девушке:

– После тебя.

Она отрезала маленький кусочек и поднесла его ко рту, затем закрыла глаза и вздохнула.

– Это просто божественно. – Она легонько провела язы-

ком по губам и снова открыла глаза. — Возьми кусочек.

А он услышал: «Возьми меня». Действительно вкусно!

— Твоя очередь.

— На сегодня достаточно. — Она отложила вилку и положила руки на колени. — Правда. Пожалуйста, доешь его.

Он не торопился и наслаждался не только яблочным пирогом, но и самим вечером. Со времен Лиссы это была его первая встреча с женщиной. Просто встреча, ничего общего со свиданием... Это было своего рода возвращение к нормальной жизни, которую он оставил три года назад. Благодаря такой чудесной девушке, как Анни, невозмутимой, уравновешенной и обаятельной, сделать шаг назад оказалось намного легче.

Деметриос отправил в рот последний кусочек пирога и запил его небольшим глотком кофе.

Анни с грустью заметила:

— Тебе не понравился пирог.

Он вытер салфеткой рот и бросил ее на стол.

— Я подумал, что заставляю тебя ждать. Уже почти полночь. — Он с удивлением заметил, как быстро пролетело время.

— Может быть, сейчас мой наряд превратится в лохмотья, — сказала она без тени улыбки на лице.

— Могу я посмотреть на это?

— Разве ты не помнишь, что прекрасного принца нет рядом, когда это происходит?

– Ты готова?

Девушка задумчиво кивнула в знак согласия. Она выглядела немного отчужденной.

Он оплатил счет, поблагодарил официанта за великолепный ужин и весьма удивился, когда официант, едва посмотрев на него, радостно улыбнулся Анни и сказал ей:

– Мы так счастливы, что вы зашли к нам, ваше... Мы всегда рады вам.

На улице она остановилась и протянула Деметриосу руку:

– Спасибо. За ужин. За то, что поехал со мной в клинику. За все. Это был незабываемый вечер.

Он взял ее за руку, но, покачав головой, ответил:

– Я не собираюсь оставлять тебя здесь, на улице.

– Моя квартира недалеко отсюда. Тебе не нужно...

– Я провожу тебя. До двери. – И на всякий случай, чтобы она не передумала, добавил: – Показывай дорогу.

Они шли по узеньким улочкам спящего города. Издалека с набережной Круазетт доносился шум машин, музыка ночных баров, случалось, с ревом проносился мотоциклист. Анни задумчиво шла рядом с ним. Ее теплые пальчики покоились в его ладони. Она шла молча, и это само по себе было приятной неожиданностью. Все девушки, с которыми он встречался, начиная с Дженни Соренсен в девятом классе и заканчивая Лиссой, по дороге домой болтали не умолкая.

Анни не проронила ни слова, пока они не остановились

у старого оштукатуренного четырехэтажного дома, высокие французские двери которого были зарешечены ставнями и выходили к узким кованым перилам балконов.

– Вот мы и пришли. – Она достала ключ и открыла большую дверь.

Он думал, что Анни попрощается с ним здесь, но она, должно быть, имела в виду двери собственной квартиры, потому что вела его дальше к крутым ступенькам. Она зажгла свет и, не глядя в его сторону, стала подниматься наверх.

Деметриос держался за ней на шаг позади, пока они не добрались до ее квартиры. Она открыла дверь, а потом повернулась к нему, чтобы попрощаться.

– Пришли, – улыбаясь, сказала Анни. – Спасибо. Все было просто отлично.

– Согласен. Мне повезло, что я «похитил» тебя из гостиницы.

– Мне тоже. – Ее глаза блестели.

Они посмотрели друг другу в глаза. Время остановилось. Деметриос хорошо понимал, что нужно делать: вежливо пожать ей руку, отпустить ее и попрощаться. А может быть, поцеловать... В конце концов, он ведь приветствовал ее поцелуем еще до того, как они познакомились.

Но сейчас он знает Анни чуть ближе. Она – очаровательная, добрая, нежная девушка, у которой есть жених и которая абсолютно не подходит для того, чтобы приударить за ней. И все-таки он наклонился и прикоснулся своими губа-

ми к ее губам.

Просто поцелуй. Что плохого в этом? Он не хотел противиться своему желанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.